

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 21–28.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 21–28.

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.54398/1818510X_2023_3_21

**ЗАПАДНЫЙ ПРИКАСПИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XVIII В.
(К ТРЁХСОТЛЕТИЮ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА I)**

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала,
Россия

vikingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

Аннотация. На основе архивных документов и специальной исторической литературы рассматривается место Западного Прикаспия во внешней политике России Петровской эпохи, уделяется внимание разведывательной деятельности русских посланников в Персии, их роли в исследовании и сборе сведений военно-политического, географического и экономического характера, касавшихся кавказского края. Констатируется, что в начале XVIII столетия Северный Кавказ из периферийного направления превратился в самостоятельный вектор внешней политики петровской России. Проводится анализ политической ситуации, сложившейся в Кавказско-Каспийском регионе в процессе упадка Сефевидского государства и с усилением здесь османороссийских противоречий за сферы влияния. Делается акцент на планы российского монарха Петра I по освоению природно-экономических ресурсов прикаспийских провинций Персии. Подчеркивается, что военно-разведывательные миссии русских посольств в регионе явились важным звеном в процессе освоения Западного Прикаспия. Информация, полученная в ходе военно-дипломатических миссий в Персии, дала российскому правительству чёткую картину хозяйственного и военно-политического состояния края и позволила выстроить алгоритм действий в планировании стратегических замыслов предстоящего похода в Прикаспий. Делается вывод, что в ходе усиления османороссийских противоречий в Кавказско-Каспийском регионе происходит окончательный переход местных правителей к пророссийской внешнеполитической ориентации, что явилось важной предпосылкой в подготовке Персидского похода Петра I.

Ключевые слова: Россия, Пётр I, внешнеполитическая доктрина, Западный Прикаспий, Персия, Порта, разведывательная миссия, посольство, политика, поход

Для цитирования: Абдусаламов М.-П. Б. Западный Прикаспий во внешней политике России в начале XVIII в. (к трехсотлетию Персидского похода Петра I) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 21–28. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_21.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE WESTERN CASPIAN IN RUSSIA'S FOREIGN POLICY AT THE BEGINNING
OF THE XVIII CENTURY (TO THE TRICENTENARY OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF PETER I)**

Magomed-Pasha B. Abdusalamov

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
vikingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

Abstract. The article examines the place of the Western Caspian Sea in the foreign policy of Russia of the Peter the Great era on the basis of archival documents and special historical literature, pays attention to the intelligence activities of Russian envoys in Persia, their role in the study and collection of information of a military-political, geographical and economic nature concerning the

Caucasus region. It is stated that at the beginning of the XVIII century, the North Caucasus turned from a peripheral direction into an independent vector of the foreign policy of Peter the Great Russia. The analysis of the political situation in the Caucasus-Caspian region in the process of the decline of the Safavid state and the strengthening of the Ottoman-Russian contradictions for spheres of influence here is carried out. The emphasis is placed on the plans of the Russian monarch Peter I for the development of natural and economic resources of the Caspian provinces of Persia. It is emphasized that the military intelligence missions of Russian embassies in the region were an important link in the process of developing the Western Caspian. The information received during the military-diplomatic missions in Persia gave the Russian government a clear picture of the economic and military-political state of the region, and allowed it to build an algorithm of actions in planning strategic plans for the upcoming campaign in the Caspian Sea. It is concluded that during the strengthening of the Ottoman-Russian contradictions in the Caucasus-Caspian region, the final transition of local rulers to a pro-Russian foreign policy orientation is taking place, which was an important prerequisite in the preparation of Peter I's Persian campaign.

Keywords: Russia, Peter I, foreign policy doctrine, Western Caspian, Persia, Port, intelligence mission, embassy, politics, campaign

For citation: Abdusalamov M.-P. B. The Western Caspian in Russia's foreign policy at the beginning of the XVIII century (to the tercentenary of the Persian campaign of Peter I). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 21–28. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Исследуемая проблема представляется актуальной в контексте изучения кавказской политики России эпохи Петра I – конструктивного выстраивания отношений с народами Кавказско-Каспийского региона, в конечном итоге завершившегося их мирной интеграцией в состав многонационального и многоконфессионального Российского государства.

Цель настоящего исследования – на основе архивных документов и специальной исторической литературы показать Западный Прикаспий (современные прикаспийские территории Северного Ирана, Азербайджана и Дагестана) в стратегических планах России в начале XVIII в. В статье также уделено внимание военно-разведывательной миссии российских дипломатов и военных, командированных в Персию, их роли в изучении и аккумуляции информации экономического, географического и военно-политического характера, имевшей отношение к Кавказско-Каспийскому региону.

Представленный материал дан по хронологическому принципу. Теоретической и методологической основой статьи послужили основные принципы исторической науки: историзм, научность и объективность.

Основная часть

В 2022 г. исполнилось триста лет со дня Каспийского похода Петра I – весьма заметное событие в истории нашего Отечества. Юбилейная дата для научного сообщества является поводом к обращению к событиям трёхсотлетней давности, к новому пониманию восточной политики России первой четверти XVIII в. Благодаря новейшим достижениям в отечественной историографии по кавказскому вектору внешней политики России (изданию монографических исследований, отдельных научных статей, сборников архивных документов), спустя три века мы в ином ракурсе смотрим на военно-политические события, связанные с походом Петра I в Прикаспий, при этом переосмысливая их историческую значимость. Можно с уверенностью сказать, что Персидский поход Петра I дал серьёзный импульс развитию русско-кавказских отношений в поступательном ключе.

Ради справедливости стоит отметить, что отечественные и зарубежные исследователи написали немало трудов о Каспийском (Персидском) походе Петра I. В советское время в отечественной историографии фундаментальной монографией о походе Петра I в Прикаспий можно назвать труд В. П. Лысцова «Персидский поход Петра I:

1722–1723» [11]. Среди работ современных авторов, исследовавших данную проблему, следует указать монографию известного российского историка, профессора И. В. Курукина «Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.)» [9], написанную на базе обширных материалов центральных архивов страны, которая с новых концептуальных позиций позволяет взглянуть на те или иные события в период данной военно-политической акции. Можно сказать без преувеличения, что на данный момент в отечественной историографии монография И. В. Курукина является исчерпывающей и концептуально цельной, фундаментальной работой, посвящённой Персидскому походу Петра I и деятельности Российской императорской армии в Прикаспии до 1735 г. Кроме того, в 2020 г. в издательстве «Мавраевъ» вышел сборник архивных документов «Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.)» [5], подготовленный учёными отдела средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (ИИАЭ ДФИЦ РАН), в том числе ведущим кавказоведом Е. И. Иноземцевой. Сборник включает документы, извлечённые не только из фондов центральных архивов страны – Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), но и из региональных архивохранилищ – Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), и хронологически охватывают период от Персидского похода Петра I до Гянджинского трактата с Персией 1735 г. И, наконец, в рамках гранта РФФИ учёными-историками из ИИАЭ ДФИЦ РАН в 2022 г. была издана монография «Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в.» [6], приуроченная к 300-летию Персидского похода Петра I. Ценность указанной монографии в том, что в ней представлены новейшие итоги исследования Кавказско-Каспийского вектора внешней политики Петра I и последующих российских монархов в первой трети XVIII в.

Как нами выше указывалось, в исторической литературе по Каспийскому походу 1722–1723 гг. написано немало. Несомненно, всё это иллюстрирует неимоверную заинтересованность исследователей в данной проблеме. Однако в данной статье мы не стремимся провести историографический обзор Персидского похода Петра I, но ставим цель рассмотреть Западный Прикаспий во внешней политике Российского государства в начале XVIII в.

Можно сказать, что основные тенденции внешней политики России приобрели чёткие контуры в Петровскую эпоху. Во внешней политике преобладали балтийская, черноморская и каспийская проблемы. Уже прорубая «окно в Европу», Пётр I разработал программу по упрочению российских позиций в Каспийско-Кавказском регионе [3, с. 161, 163].

Во внешнеполитической доктрине Петра I восточное направление занимало важное место. Предполагалось, что российские границы в перспективе расширятся не только в западном направлении, но и в сторону Кавказско-Каспийского региона. Западный Прикаспий привлекал российского монарха прежде всего своими богатыми экономическими ресурсами, но и товарами, особенно, шёлком-сырцом, хлопком, мареной. Кроме того, данная территория имела стратегическую значимость, через неё проходили важные торговые магистрали из России в восточные страны и обратно. Да и само Каспийское море являлось важной природной контактной зоной между Западом и Востоком [5, с. 3–4].

Бурно развивавшаяся мануфактурная промышленность России в первой четверти XVIII в. требовала источников сырья. Как известно, ими изобиловали прикаспийские персидские провинции. Русское правительство знало, что обеспечить растущие запросы отечественного производства можно в значительной мере за счёт установления над ними российского контроля. При этом надо понимать, что российские власти стремились не только освоить природно-экономические ресурсы прикаспийских провинций, но и взять под свой контроль торговлю региона [6, с. 220].

Конечно, ещё до Петра I Западный Прикаспий входил в сферу интересов Российского государства. С конца XVII в., со времени вступления в военное противостояние за выходы к Балтийскому, Чёрному и Каспийскому морям, исторически России было предопределено сыграть ведущую роль в международных отношениях [6, с. 79]. Расположенные на левобережье р. Терек несколько казачьих станиц и крепость Терки вместе с незначительным участком на Каспии – вот таковы были позиции России в конце XVII – начале XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе [13, с. 55–56]. Конструктивное вовлечение в борьбу за доминирование в кавказском макрорегионе стало возможным в эпоху Петра Великого. Интенсивное социально-политическое и экономическое развитие страны, обусловленное реформаторской деятельностью Петра I, с одной стороны, и ослабление некогда могущественной Сефевидской Персии, с другой, толкало российского монарха на восток, к утверждению русского господства на западном побережье Каспия [6, с. 93]. При этом надо учитывать, что Россия не имела выхода к морям, что затрудняло её торговлю с Европой. Попытка утвердиться на Чёрном море в начале XVIII в. потерпела неудачу. Османская империя в то время оказалась достаточно сильной, чтобы вступить в открытое военное противоборство. В связи с этим Каспийское море являлось заманчивой целью для российского монарха [6, с. 220].

Для успешной реализации политики в восточном направлении благоприятствовал внешнеполитический фактор – ослабление Персии, о чём мы уже упоминали. Дело в том, что в первое десятилетие XVIII столетия социально-экономическая обстановка в государстве Сефевидов резко осложнилась, что в итоге привлекло внимание правительств соседних великих держав к событиям на Северо-Восточном Кавказе [8, с. 111]. Сефевидская Персия переживала серьёзный структурный кризис, затронувший практически все сферы жизни социума. К тому же на её национальных окраинах начались антисефевидские восстания. Особую опасность для целостности Персии представляли афганцы. В этих условиях Россия, планировавшая присоединение Западного Прикаспия, не могла оставаться равнодушной наблюдательницей бурных событий, происходивших в Персии. Однако Россия вела длительную войну со Швецией и включиться сразу в борьбу за Кавказ не могла [6, с. 82].

Ослабление Персии привлекло внимание и Османской империи, планировавшей аннексию её территорий. Поражение в войне со Священной лигой в конце XVII в. и заключение невыгодного Карловицкого мирного договора, констатировавшего не только военное поражение, но и территориальные потери Порты, вынудили её правящие круги взять реванш на Кавказе: захватить персидские провинции и утвердиться на западном побережье Каспия [1, с. 22]. Это, безусловно, ставило под контроль турок прикаспийский торговый путь, пролежавший по приморскому Дагестану и ведущий в страны Востока, в Персию, Индию и т. д.

В случае захвата Османской империей прикаспийских провинций Персии и установления турецкого владычества на западном побережье Каспия рушились планы Петра I по реализации части восточной программы, предусматривавшей утвердиться на Каспии и поставить торговый путь, пролежавший по приморскому Дагестану, под российский контроль. Этим можно объяснить опасения петербургского двора относительно экспансионистских планов Порты на Кавказе. Поэтому главной политической задачей на Кавказе Пётр I ставил недопущение турок к Каспийскому морю. В круг интересов России не входило упрочение османских позиций в Кавказско-Каспийском регионе. Это формировало реальную опасность не только её южным границам, но и торгово-экономическим интересам. В связи с этим Правительствующий Сенат рекомендовал государю Петру I предотвратить покорение турками Западного Прикаспия [6, с. 81–82].

Здесь также важно отметить, что в обстановке крайнего упадка государства Сефевидов и активизации политики Османской империи, стремившейся к доминированию в Кавказско-Каспийском регионе, происходит резкий рост пророссийской ориентации местных народов, искавших протекции у России. Условия феодальной раздробленности, порождавшие политическую нестабильность, и острое соперничество соседних держав в регионе, ставило местные народы и их правящие элиты перед дилеммой:

в состав какой из соперничавших держав интегрироваться. Внешнеполитический выбор ими был сделан в пользу России, и Пётр I, будучи человеком проницательным, это интуитивно осознал. Принципиальный модернизационный сдвиг, начавшийся в России в первой четверти XVIII в. и вызвавший стремительный рост её военного и экономического могущества, обусловил для населения Кавказско-Каспийского региона решение о вхождении в подданство России. Перспектива быть поглощёнными Персией или Османской империей их не устраивала. При этом надо учитывать, что кавказский вектор внешнеполитического курса правителей Османской империи и шахской Персии носил почти исключительно агрессивный характер, нацеленный на закабаление местного населения. Невзирая на то, что их политический курс временами предусматривал не только военно-силовые методы, но и практику «одаривания» местных элит, в целом она сопровождалась разрушением экономического уклада населения региона. В силу недостаточно высокой степени материально-производственной базы Персии и Османской империи, их правители, в принципе, не способны были дать ничего прогрессивного народам кавказского региона. Отставание во всех сферах жизни этих государств от ведущих стран Европы было налицо [2, с. 147].

В связи с этим российской стороной накануне Каспийского похода Петра I велась дипломатическая подготовка по привлечению местных владетелей на свою сторону: на Кавказ отправлялись разведывательные миссии, собиравшие информацию о географии края, полезных ископаемых, народах, об их правителях, политической обстановке в феодальных владениях и т. д. Так, в 1700 г. губернатор г. Астрахани И. А. Мушин-Пушкин получает от Петра I указ установить торговые и дружественные связи с дагестанскими правителями [6, с. 81].

В 1715–1718 гг. в Персии пребывало русское посольство А. П. Волынского. Официальная цель посольства – заключение российско-персидского торгового договора. Пётр I, подчёркивая важность решения задач торгового характера, выяснения состояния водных коммуникаций, ретраншементов, сухопутных войск, кроме того, в своей письменной инструкции возлагал на посла миссию прозондировать политическую почву, в частности состояние османо-персидских взаимоотношений, вероятность военного конфликта между этими государствами. Глава посольства А. П. Волынский должен был выяснить, на какого союзника будет ориентироваться персидский шах в случае войны против турок, и складывается ли в будущем перспектива русско-персидского союза [8, с. 110]. Таким образом, миссия, возложенная русским царём на А. П. Волынского, была нелёгкой и требовала политического и дипломатического искусства.

Сам А. П. Волынский, посылая из Шемахи в Астрахань А. И. Лопухина, напутствовал его, чтоб он изучил ландшафт местности, указал реки и места их впадения в Каспий, описал местные народы и их правителей, военный потенциал владений и земель Западного Прикаспия. При этом А. И. Лопухин, по настоянию А. П. Волынского, все свои наблюдения должен был зафиксировать, занести в путевой журнал. Для облегчения выполнения этой задачи А. И. Лопухину был предоставлен помощник-инженер [10, с. 6]. Путь А. И. Лопухина проходил по Прикаспию по маршруту Куба – Дербент – Тарки. Здесь стоит отметить, что А. И. Лопухин в деталях описал своё путешествие, уделив при этом особый интерес древнему Дербенту [13, с. 61].

Надо отдать должное посланникам в Персию А. П. Волынского и А. И. Лопухину. Они с пунктуальностью и рвением подошли к реализации инструкции петербургского двора. Заслуга А. П. Волынского и А. И. Лопухина в том, что сделанные ими во время поездки в Персию путевые заметки, записи, отличавшиеся большой конкретикой, анализом, послужили источниками исключительного характера, содержащими важную информацию об экономическом состоянии и военно-политических делах в Западном Прикаспии [7, с. 103]. Возвращение А. П. Волынского в столицу 12 декабря 1718 г. воодушевило русское правительство. Договор с шахом о мире и дружбе между Россией и Персией оно восприняло как благоприятную ситуацию, создававшую предпосылки для реализации стратегических замыслов государя Петра I в этом регионе [4, с. 6]. Помимо этого, здесь следует указать, что доклад, подготовленный

А. П. Волынским и содержащий анализ российской миссии в Иран и её итогов, отоб-разился в «Журнале посланника А. П. Волынского». В нём мы видим сведения разно-планового характера: о народах Каспийско-Кавказского региона, об их вероисповеда-нии, занятиях местного населения, торговле и торговых компаниях – Голландской, Португальской, Английской, Индийской, Жульфинской и др., о российских купцах, осуществлявших здесь торговлю и т. д. [12, л. 20–24].

Посольство полковника А. П. Волынского в Персию в 1715–1718 гг. явилось важ-ной вехой в процессе подготовки Каспийского похода Петра I. Следует отметить, что правительство шаха отнеслось с опасением к агентурной деятельности русских по-сланников. Позиция исфаханского двора не предусматривала присутствия иноземных интересов, в том числе российских, в Западном Прикаспии. Подобное проникновение в регион оценивалось как угроза персидским интересам. Неясность позиций Ис-фахана ставила Петра I в нелегкое положение. Российский царь, будучи человеком, не только энергичным, но и отличным стратегом, как государственный исходил прежде всего из интересов страны, а они требовали развития экономики. Необхо-димо было полностью удовлетворить растущие потребности мануфактурной про-мышленности России [13, с. 61].

В этом плане «Наказ» Петра I губернатору Астрахани А. П. Волынскому иллю-стрирует, что государь не собирался отказываться от реализации задуманных планов. В «Наказе» Пётр I обозначил перспективу проложить морской путь «из Терков до Аграхани» и требовал действенных мер в этом направлении: строительство ретран-шемента, оружейных складов, амбаров и пр. должно было служить этой цели [13, с. 63]. Безусловно, это свидетельствовало об особом интересе русского царя к Запад-ному Прикаспию. Думается, этим во многом можно объяснить, что в период с 1715 по 1720-е гг. в целом Северо-Восточный Кавказ стал регионом особых интересов пе-тербургского двора. Неслучайно в эти годы участились русские военно-дипломатиче-ские миссии в Персию.

Сбор сведений о морском и сухопутном Прикаспийском пути до Гилянкой пер-сидской провинции включительно – таковы были цели русских разведывательных экс-педиций [13, с. 63]. И стоит отметить, их цели были достигнуты. Русское правитель-ство, опираясь на отчёты, сделанные посланниками (А. И. Лопухиным, А. П. Волын-ским, А. Б. Черкасским и др.), приняло решение скрупулёзно изучить западное побе-режье Каспийского моря и инициировать подготовку Персидского похода. Практиче-скими шагами в этом направлении стали организованные в 1716–1719 гг. правитель-ством экспедиции офицеров – Дорошенко, Соймонова, фон Вердена, Урусова и др. – на Юго-Восточный Кавказ. При этом стоит указать, что формально они направлялись под видом исследования торговых путей. Ими были изучены районы от истоков Аму-дарьи и Волги до Куры, персидских прикаспийских провинций – Астрабада, Мазенда-рана и Гиляна [8, с. 119]. Благодаря проделанной работе русское правительство полу-чило более полную информацию о военно-политической обстановке в Западном При-каспии и Персии в целом.

Выводы

Таким образом, изложенный материал показывает, что Западный Прикаспий в планах Петра I занимал важное место. Интерес русского монарха к этой области объ-яснялся прежде всего её богатыми природно-экономическими ресурсами, необходи-мыми для бурно развивавшейся в первой четверти XVIII в. русской мануфактурной промышленности. Немаловажное значение для Петра I имело и установление россий-ского контроля над торговой прикаспийской магистралью, связывавшую Европу с Во-стоком. И, главное, на наш взгляд, что следовало бы подчеркнуть, – это оправданные опасения со стороны Петра I относительно планов Османской империи по укреплению своих позиций в Кавказско-Каспийском регионе, что априори российский царь допу-стить не мог. В противном случае, создавалась реальная угроза со стороны османов не только российским торгово-экономическим интересам, но и южным рубежам страны. И в этом контексте военно-разведывательные миссии русских посланников

явились важным звеном в процессе освоения Западного Прикаспия. Полученные данные о военно-политическом и хозяйственном состоянии региона помогли петербургскому двору в исследовании территории побережья Западного Каспия, по которому в последующем планировался маршрут продвижения русских войск. Кроме того, сведения позволили оценить примерный потенциал ресурсов прикаспийских провинций для экономики России в целом.

Список литературы

1. Абдусаламов, М.-П. Б. Русско-турецкое противоборство на Кавказе и кумыкские феодальные владения в первой четверти XVIII в. / М.-П. Б. Абдусаламов, З. А. Алигаджиева // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 9. – С. 20–35.
2. Абдусаламов, М.-П. Б. Кумыкские феодальные владетели и российская военная администрация на Кавказе в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. / М.-П. Б. Абдусаламов, Н. Д. Чекулаев // Вопросы истории. – 2016. – № 11. – С. 146–152.
3. Бобылев, В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I / В. С. Бобылев. – Москва : Московский университет, 1990. – 167 с.
4. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год : в 3 ч. / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург : Императорская акад. наук, 1869. – Ч. 1. – 548 с.
5. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.) / сост.: Е. И. Иноземцева, Ш. А. Магарамов, Н. Д. Чекулаев. – Махачкала : МавраевЪ, 2020. – 376 с.
6. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / под общ. ред. Ш. А. Магарамова. – Махачкала : Лотос, 2022. – 304 с.
7. Касумов, Р. М. Дагестан в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813) / Р. М. Касумов. – Махачкала : АЛЕФ, 2012. – 386 с.
8. Кидирниязов, Д. С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.) / Д. С. Кидирниязов. – Москва : Парнас, 2011. – 456 с.
9. Курукин, И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовый корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.) / И. В. Курукин. – Москва : Квадрига, 2010. – 381 с.
10. Лопухин, А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. / А. И. Лопухин // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – Москва : Восточная литература, 1958. – С. 6–59.
11. Лысцов, В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. / В. П. Лысцов. – Москва : Московский гос. ун-т, 1951. – 247 с.
12. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 560.
13. Чекулаев, Н. Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.) / Н. Д. Чекулаев. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 208 с.

References

1. Abdusalamov, M.-P. B., Aligadzhieva, Z. A. Russko-tureckoe protivoborstvo na Kavkaze i kumyckie feodalnye vladeniya v pervoy chetverti XVIII v. [The Russian-Turkish confrontation in the Caucasus and the Kumyk feudal possessions in the first quarter of the XVIII century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian research]. 2011, iss. 9, pp. 20–35.
2. Abdusalamov, M.-P. B., Chekulaev, N. D. Kumyckie feodalnye vladeteli i rossiyskaya voennaya administratsiya na Kavkaze v 20-kh – nachale 30-kh gg. XVIII v. [Kumyk feudal lords and Russian military administration in the Caucasus in the 20s – early 30s of the XVIII century]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2016, no. 11, pp. 146–152.
3. Bobylev, V. S. *Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I* [Foreign Policy of Russia in the era of Peter I]. Moscow: Moscow State University; 1990, 167 p.
4. Butkov, P. G. *Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk; 1869, vol. 1, 548 p.
5. *Zapadnyy Prikaspiy v sostave Rossiyskoy imperii (1722–1735 gg.)* [The Western Caspian Sea as part of the Russian Empire (1722–1735)]. Makhachkala: Mavraev; 2020, 376 p.
6. *Kavkazsko-Kaspiyskiy region v politike Rossiyskoy imperii v pervoy treti XVIII v.* [The Caucasian-Caspian region in the politics of the Russian Empire in the first third of the XVIII century]. Makhachkala: Lotos; 2022, 304 p.

7. Kasumov, R. M. *Dagestan v politike protivoborstvuyushchikh derzhav na Kavkaze ot Peterburgskogo dogovora do Gyulistanskogo traktata (1723–1813)* [Dagestan in the policy of the warring powers in the Caucasus from the St. Petersburg Treaty to the Gulistan Treaty (1723–1813)]. Makhachkala: ALEF; 2012, 386 p.

8. Kidirniyazov, D. S. *Dagestan v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy (XVIII – konets 20-kh gg. XIX v.)* [Dagestan in the system of international relations (XVIII – late 20s of the XIX century)]. Moscow: Parnas; 2011, 456 p.

9. Kurukin, I. V. *Persidskiy pokhod Petra Velikogo. Nizovyy korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735 gg.)* [The Persian campaign of Peter the Great. The lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)]. Moscow: Quadriga; 2010, 381 p.

10. Lopukhin, A. I. *Zhurnal puteshestviya cherez Dagestan. 1718 g.* [Journal of travel through Dagestan. 1718]. *Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII–XIX vv.* [History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII–XIX centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura; 1958, pp. 6–59.

11. Lyssov, V. P. *Persidskiy pokhod Petra I. 1722–1723 gg.* [The Persian campaign of Peter I. 1722–1723]. Moscow: Moscow State University; 1951, 247 p.

12. *Scientific Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (NA IIAE DFIC RAS)*. Found 1, inventory 1, case 560.

13. Chekulaev, N. D. *Rossiyskie voyska v Dagestane v kontekste kavkazskoy politiki Rossii (1722–1735 gg.)* [Russian troops in Dagestan in the context of the Caucasian policy of Russia (1722–1735)]. Makhachkala: IIAE DNC RAS; 2008, 208 p.

Информация об авторе

Абдусаламов М.-П. Б. – доктор исторических наук, доцент.

Information about author

Abdusalatov M.-P. B. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.